

Опубликовано в журнале Мир науки, культуры, образования. № 2 (81). 2020. С. 580–582.

УДК 82

Sukhikh O.S., Doctor of Sciences (Philology), senior lecturer, senior lecturer Department of Russian literature Institute of Philology and Journalism N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: ruslitxx@list.ru

TRAGIC CONFLICT IN THE STORY OF L. BORODIN "FOR THE SAKE OF CHILDREN"

The article discusses the story of L. Borodin “For the sake of children” in terms of the artistic embodiment of the category of tragic. The purpose of the study is to identify the essence of the tragic conflict in this work, as well as to analyse the author’s position. The writer builds the story on both external and internal conflicts. The first is a confrontation between two heroes, the second is a clash between feeling and duty in the soul of one of them. Not once during the story, this character finds himself in a tragic situation of choice between love to family and moral duty. There is no right way out of this situation, so the hero is doomed to suffering. The tragic guilt of the hero determines the ambivalence of the author’s position: on the one hand, this is understanding and sympathy, on the other - the statement of the inevitability of retaliation.

Keywords: tragic conflict, choice, duty and feeling, family, war.

О.С. Сухих, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. ruslitxx@list.ru

ТРАГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В РАССКАЗЕ Л. БОРОДИНА «РАДИ ДЕТОК»

В статье рассматривается рассказ Л. Бородина «Ради деток» в плане художественного воплощения категории трагического. Цель исследования заключается в выявлении сущности трагического конфликта в данном произведении, а также в анализе авторской позиции. Писатель строит рассказ на конфликте как внешнем, так и

внутреннем. Первый представляет собой противостояние двух героев, второй же – столкновение между чувством и долгом в душе одного из них. На протяжении сюжета этот персонаж не однажды оказывается в трагической ситуации выбора между любовью к семье и нравственным долгом. Из такого положения не существует правильного выхода, поэтому герой обречён на страдания. Трагическая вина героя определяет неоднозначность авторской позиции: с одной стороны, это понимание и сочувствие, с другой – утверждение неизбежности возмездия.

Ключевые слова: **трагический конфликт, выбор, долг и чувство, семья, война.**

Творчество Л.И. Бородина отечественный читатель открыл для себя на рубеже 1980-1990-х годов. С тех пор появилось несколько диссертационных исследований, посвящённых ему [1; 2; 3; 4], монографии Н. Федченко [5], В. Серафимовой [6] большое количество интервью с писателем, критических статей (например, публикации В. Верина [7], В. Бондаренко [8], П. Басинского [9]). Однако рассказ Л.И. Бородина «Ради деток», напечатанный в журнале «Москва» в 2008 г., до сих пор не стал объектом пристального внимания критиков и литературоведов, хотя он по глубине проблематики и уровню её художественного осмысления, на наш взгляд, является одним из самых интересных произведений не только этого писателя, но и военной прозы в целом. Рассказ посвящён судьбе человека, который во время Великой Отечественной войны невольно стал виновником гибели партизанского отряда. Реалии партизанской жизни были изображены Л. Бородиным ещё в повести «Ушёл отряд», которую он опубликовал в 2004 г. В ней «война показана не в батальных героических сценах, а через анализ *духовно-психологического* аспекта темы человека на войне» [4]. То же самое можно сказать и о рассказе «Ради деток». В основу его сюжета, как сказано в небольшом авторском предисловии, легли воспоминания участников партизанского движения, в которых война представала не однозначным противостоянием «своих» и «чужих», уже неоднократно раскрытым в литературе, а гораздо более сложной картиной. Перед нами «другая война в новой военной прозе» [10]. В этом тексте на материале небольшого, казалось бы, эпизода из жизни оккупированной гитлеровскими войсками деревни и партизанского отряда передан трагический конфликт величайшей силы.

Произведения о войне практически всегда связаны с трагическим началом, поскольку таков характер материала: война – это всегда страдания, острые

переживания, потери. Рассказ же Л. Бородина относится к тем текстам, в которых трагическое выражено не только на уровне материала, но и на уровне эстетическом.

Один из видов трагического конфликта представляет собой столкновение двух сущностных, значимых начал в душе человека. Согласно «Эстетике» Гегеля, основное трагическое противоречие, которое разрабатывали ещё античные авторы, «есть противоречие между *государством*, нравственной жизнью в её духовной всеобщности и *семьёй* как природной нравственностью» [11, с. 592]. Конфликт между интересами социальной общности и семейными узами возможен, безусловно, не только в трагедии, но и в произведениях других жанров, и особенно острым он является, когда эти два начала воплощены не в разных фигурах, а в одной. Именно такую ситуацию мы видим в рассказе Л. Бородина «Ради деток». Однако, прежде чем анализировать её, необходимо отметить, что в данном произведении конфликт имеет двойственный характер: здесь есть противостояние как внешнее, так и внутреннее.

Внешне сюжет рассказа организован столкновением двух непростых, сильных и своеобразных характеров. Центральными персонажами произведения являются Семён Кусков и Матвей Чиров – люди со сложными, «изломанными» судьбами. Первый просто живёт, руководствуясь естественными и понятными эмоциями: любовью к семье, желанием сохранить покой близких. Кусков представляется человеком, который в обычных обстоятельствах прожил бы обычную жизнь; он не злодей и не герой, просто человек, со своими слабостями и привязанностями, вернее, привязанность к семье и становится его слабостью. Второй же из центральных персонажей – человек с более сложным характером, и мотивировка его действий не проста, проясняется она далеко не сразу, поскольку он по натуре хороший актёр и истинное его лицо довольно долго остаётся скрытым. Чиров руководствуется стремлением к власти, и, поскольку ему не удаётся сделать карьеру и возвыситься над социумом, он довольствуется тем, что получает власть хотя бы над одним человеком – Семёном Кусковым. Именно Чиров, служивший полицаем, становится свидетелем вынужденного предательства Семёна, а затем ставит его в такие условия, что тот из-за безысходности ситуации второй раз предаёт партизанский отряд. Чиров же впоследствии наслаждается тем, что обладает полной властью над этим человеком, шантажируя его. Этот конфликт определяет внешнее действие, однако **подлинно трагическим и наиболее глубоким становится внутренний конфликт**, развивающийся в душе Семёна Кускова, и это противоречие по своему накалу достигает, пожалуй, уровня античных трагедий, хотя речь идёт вроде бы о совершенно обычном человеке. Как пишет В. Хализев,

трагический герой в литературе нового времени вполне может быть лишён ореола исключительности, он зачастую «предстает как человек обыкновенный» [12, с. 94].

В центре внимания Л. Бородина – проблема выбора личности в экзистенциальной ситуации. Военная действительность, безусловно, является источником множества таких ситуаций, когда за счёт столкновения различных начал в человеке выявляется глубинная суть его натуры. Семён Кусков как раз оказывается в таких обстоятельствах тяжелейшего выбора.

Деревня Сомово Смоленской области, где происходит действие, была оккупирована немцами, а неподалёку, в лесу, сформировался партизанский отряд, в который Семён Кусков доставлял продовольствие. Роковой поворот сюжета происходит, когда Семён попадает в руки врага. По сути, он выдерживает испытание болью и страхом смерти, даже в душе принимает возможность гибели. Но план гитлеровцев оказывается более изощрённым: «...штурмфюрер, все так же на Семёна не глядя, вытащил пистолет, взвел боек и подставил дуло к голому животу беременной жены» [13, с. 268]. Психологический анализ в этом эпизоде осуществляется с помощью авторского комментария, и рассказ о чувствах героя развёрнут довольно подробно для малой прозы, поскольку для писателя важна репрезентация трагического. Выстрел может оборвать жизнь женщины и ребёнка, то есть уничтожить самое сокровенное и святое, что есть в земном мире, поэтому Семёну начинает казаться, что этот выстрел способен прервать **жизнь вообще**, жизнь как таковую на земле: «То, что представилось ему, было что-то вроде конца света, всего белого света, то есть мира человеческого, когда никому больше жить незачем и не надо, потому что смысла нет. Ствол пистолета упирался не в белый живот жены, но во все человечество, и жизнь человечества теперь полностью зависела от Семёна Кускова» [13, с. 268]. Это сломало героя, и он «все сказал, все подписал, на все согласился» [13, с. 268], предал партизанский отряд, который в итоге почти полностью был уничтожен.

Перед нами поистине трагическая ситуация, из которой нет правильного выхода: любое решение героя неизбежно должно погубить других людей – либо жену и ребёнка, либо целый отряд партизан. В душе Кускова сталкиваются любовь к семье и долг перед своими – два мотива, которые для него имеют величайшее значение и между которыми практически невозможно сделать выбор. Перед нами «позитивно неразрешимый конфликт» [14, стб. 1087].

Уже само название рассказа подчёркивает, что образ Семёна Кускова неразрывно связан с темой семьи – отсюда и выбор трёх временных точек, в которых

сосредоточено действие: 30-е годы, когда началась семейная жизнь Семёна и Тамары, затем – война, когда ради семьи герой совершил грех, что и надломило его, лишило покоя и радости на всю дальнейшую жизнь, и, наконец, год 25-летия Победы, когда Семён, защищая спокойствие семьи, пошёл на новое преступление.

Любовь героя к близким людям, особенно к детям, становится лейтмотивом произведения. Семён Кусков фактически живёт ради этой любви, именно поэтому возможная смерть жены и не родившегося ещё ребёнка представляется ему концом света, исчезновением смысла жизни. Причём в этот момент и его собственное чувство разрастается как будто до вселенских масштабов. Человек – это часть человечества, это его воплощение, в нём как бы живёт всё человечество, поэтому гибель одного человека и всего человечества становятся соотносимыми событиями. К тому же речь идёт о ребёнке, которого Семён воспринимает не только как собственное «продолжение», но и как олицетворение будущего в целом. В этом есть большая психологическая правда, поскольку человеку свойственно интуитивно ощущать себя неким центром мира, даже отождествлять себя с миром: мир существует, пока существует «Я», – точно так же и Семёну подсознательно представляется, что если не будет продолжения его «Я», то не будет и продолжения жизни в мире. Этим и объясняется решение героя спасти жену и ребёнка любой ценой: в человеке всегда была и будет «бессмертная жажда бессмертия» [15].

Однако и чувство долга для героя вовсе не пустой звук. Он согласился снабжать партизан продовольствием не только из страха перед обвинением в измене интересам народа, страны, но и из чувства нравственной ответственности: «Люди воюют, жизни отдают за Родину – а он кто при этом?» [13, с. 266]. Перед нами человек, который в душе честен и не способен нарушить моральную норму из эгоистических соображений. Его нравственная ответственность перед своими настолько сильна, что перед ней отступает даже чувство самосохранения, поэтому в сцене допроса он готов погибнуть, но не стать предателем.

Как видим, в кульминационном эпизоде рассказа перед нами классическое для трагедии противостояние чувства и долга в душе человека. Герой Л. Бородин делает выбор в пользу чувства, и это закономерно: при столкновении такого характера с такими обстоятельствами иначе произойти не могло. Однако он тем самым разрушает собственную жизнь и впоследствии уже не может быть счастлив.

Сюжет рассказа строится как цепь испытаний для Семёна Кускова. Герой вновь оказывается в трагической ситуации, когда Чиров предупреждает его о предстоящем

нападении гитлеровцев на партизан и предлагает ему бежать из отряда. Ситуация сложилась так: Семёну, выдавшему отряд, помог бежать от немцев Матвей Чиров, они вместе пришли к партизанам, а впоследствии выяснилось, что немцам просто оказалось недостаточно тех сведений, которыми обладал Семён, они задумали использовать его вслепую и с его помощью внедрить Чирова в отряд. Матвей навёл гитлеровцев на партизан, но в то же время предупредил Семёна, что надо бежать. В характере Чирова есть страсть к психологическому экспериментированию: ему интересно наблюдать, как другой человек внутренне мечется и страдает. Кусков же вновь оказывается в ситуации трагического выбора. Предупредить отряд об опасности – это значило бы рискнуть и собственной жизнью (ведь потребовалось бы раскрыть источник информации, и стала бы ясна связь с врагом через Чирова), и жизнью семьи, поскольку немцы угрожали Семёну, что если он сделает что-то в этом роде, то его семья погибнет. А промолчать и сбежать, как советовал Чиров, – это значило бы предать отряд и погубить многих людей. Вновь перед нами трагическое противоречие между любовью к семье и нравственным долгом. Вновь герой понимает, что при любом решении не избежать жертв, в любом случае грех будет на его совести. Ситуация для него настолько тяжела, что он готов пожертвовать собственной жизнью: в итоге Семён не предупредил своих, но и не ушёл из отряда, хотя понимал, что почти наверняка погибнет вместе с товарищами. Это компромиссное решение на первый взгляд становится выходом из сложившейся ситуации, но всё же не успокаивает совесть, и впоследствии герой постоянно чувствует, что «его жизнь попорчена, и радостно жить он не может и права не имеет» [13, с. 282]. Он не погиб, как герои классических трагедий, но был внутренне сломлен. И если в дальнейшем он продолжал бороться за жизнь, то делал это ради семьи, прежде всего, ради детей. Сам он оценивает собственное деяние как преступление, но при этом считает, что иначе поступить было невозможно; его решение «столь же оправдано, как исполнено вины» [11, с. 578].

Как пишет В.Д. Серафимова, «в прозе Л. Бородина авторское отношение к изображаемому редко находит выражение в прямых оценках» [6, с. 68]. В рассказе «Ради деток» писатель тоже не даёт прямой оценки действий героя, и это закономерно, поскольку речь идёт о трагической вине: «Трагические герои виновны и в то же время невиновны одновременно» [11, с. 578]. Стоит заметить, что коллизии такого порядка возникали в военной прозе и ранее, при этом имели иное решение. Ярким примером тому может послужить повесть В. Василевской «Радуга» (1942 г.), где жительница оккупированной деревни призывает красноармейцев поджечь её дом, в котором

находятся гитлеровцы, хотя там остался в люльке её грудной ребёнок. В романе Ю. Семёнова «Семнадцать мгновений весны» (1969 г.) Кэт теряет сознание, когда её шантажируют жизнью ребёнка, она страшно кричит и пытается броситься на Рольфа, она мечтает умереть, считая это «самым прекрасным, самым добрым выходом» [16], но не предаёт Штирлица. Для советской литературы, как видим, возможно было разрешение такой трагической коллизии за счёт предпочтения общих интересов личным, социальных – семейным. Однако даже во времена господства идеологии коллективизма ситуация такого характера в литературе не доводилась, как правило, до логического предела – точно так же, как в библейской истории о жертвоприношении Исаака, где Аврааму в итоге не пришлось убить сына. В повести В. Василевской обезумевшая от ненависти к врагам Пельчериха всё же избавлена от ответственности за гибель младенца: во-первых, бойцы не решаются поджечь дом и погубить дитя, во-вторых, когда они врываются в избу, ребёнок уже убит фашистами. В романе Ю. Семёнова Кэт была избавлена от подобной же страшной ответственности благодаря поступку солдата Гельмута. В литературе же постсоветской, далеко ушедшей от коллективистского идеала, закономерным стал приоритет личностных пристрастий и семейных связей над интересами народа, государства, общества. В рассказе Л. Бородина нет осуждения в адрес героя, стремившегося спасти ребёнка, но тем самым погубившего отряд. Однако нет и утверждения его правоты. С одной стороны, всё психологическое мастерство писателя направлено на то, чтобы поступок героя вызвал у читателя понимание и сочувствие. С другой стороны, сюжет выстроен так, что герой сам осознаёт свой грех и за этим грехом следует возмездие, как будто наказание свыше: ребёнок Семёна и Тамары рождается мёртвым. В этом можно увидеть символику: предательство, даже вынужденное, не может быть спасением, преступление не способно подарить кому-либо жизнь и счастье.

Кроме того, дальнейшее развитие сюжета показывает, что герой, даже избежав обвинений и ареста, так и не обрёл покоя: вернувшийся из заключения бывший полицейский Чиров, как оказалось, сохранил бумагу о сотрудничестве с немцами, которую в отчаянный момент подписал Семён, и опасность разоблачения стала дамокловым мечом, нависшим над ним. Причём герой вновь думает, прежде всего, не о себе, а о том, что если Матвей обнаружит факты, то это сломает жизнь всей семьи Кусковых, а главное, сыновей, которые всегда гордились отцом. Это в конечном итоге толкает Семёна на новое преступление – попытку убить шантажиста. Одно нарушение морального закона влечёт за собой другое, и героя поглощает гибельная стихия, словно

омут, в котором он хотел утопить своего врага. Не случайно и нравственное преступление Семёна связано с Чировым, и омут называют Чировским: в нём Матвей обычно ловит сомов. Семён тоже как будто опускается в страшную глубину омута и в то же время оказывается «на крючке» у своего мучителя. В итоге от этой опасности он так и не избавляется: убить Чирова ему не удаётся. В финале во взаимоотношениях этих героев всё возвращается на круги своя и, по всей видимости, так и будет длиться дальше, пока оба они живы.

Трижды на протяжении сюжета Семён Кусков совершает преступление, каждый раз видя в этом единственный выход из сложившихся обстоятельств, единственную возможность обезопасить семью, и каждый раз этот выход всё же не становится спасением. Л. Бородин в своём рассказе раскрывает поистине трагические ситуации, возникающие на основе конфликта, который в своей имманентной сущности безысходен. Это произведение выходит за пределы военной и социальной тематики, оно наполнено очень глубоким общечеловеческим смыслом, который был и остаётся актуальным.

Библиографический список:

1. Васильева Т.И. *Творчество Л.И. Бородина: особенности проблематики и поэтики*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Магнитогорск, 2007.
2. Рябова Т. *Проза Леонида Бородина 1970-х - начала 90-х годов*. Диссертация ... кандидата филологических наук. СПб, 1996.
3. Казанцева И.А. *Проза Л.И. Бородина*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Тверь, 1994.
4. Нестерова Л.А. *Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородина*. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Саратов, 2007. Available at: <https://refdb.ru/look/3307188.html>
5. Федченко Н.Л. *Проза Л.И. Бородина 90-х – 2000-х*. Available at: http://www.rummuseum.ru/lib_f/fedch02.php
6. Серафимова В.Д. *Поэтика прозы Л.И. Бородина: диалог с культурным пространством*. М.: Инфра-М, 2013.
7. Верин В. Три правды // *Русское поле. Содружество литературных проектов*. Available at: <http://moloko.ruspole.info/node/3276>

8. Бондаренко В. Несломленный // *Авторский блог Владимира Бондаренко*. 30.11.2011. Available at: <http://zavtra.ru/blogs/2011-12-1352>
9. Басинский П. Дневник неписателя. Четвёртая правда Леонида Бородина // *Топос. Литературно-философский журнал*. 16.04.2002. Available at: <https://www.topos.ru/article/269>
10. Корина Л. Вспоминая Леонида Бородина. Available at: <https://www.proza.ru/2016/12/04/1259>
11. Гегель. Г.В.Ф. *Эстетика*: В 4 тт. Т. 3. М.: Искусство, 1971.
12. Хализев В. *Теория литературы*. М.: Высшая школа, 2002.
13. Бородин Л. Ради деток // Бородин Л. *Киднепинг по-советски и другие рассказы*. М.: Изд-во журнала «Москва», 2012: 258–288.
14. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интервалк», 2003.
15. Унамуно М. О трагическом чувстве жизни. Available at: https://royallib.com/book/unamuno_migel/o_tragicheskom_chuvstve_gizni.html (дата обращения: 11.03.2020).
16. Семёнов Ю. Семнадцать мгновений весны. Available at: <http://militera.lib.ru/prose/russian/semenov2/03.html> (дата обращения: 13.03.2020).

Referenses:

1. Vasil'yeva T.I. Tvorchestvo L.I. Borodina: osobennosti problematiki i poetiki. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Magnitogorsk, 2007.
2. Ryabova T. Proza Leonida Borodina 1970-kh - nachala 90-kh godov. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. SPb, 1996.
3. Kazantseva I.A. Proza L.I. Borodina. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Tver', 1994.
4. Nesterova L.A. Nravstvenno-filosofskiye iskaniya avtora i geroyev v proze Leonida Borodina. Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk. Saratov, 2007. Available at: <https://refdb.ru/look/3307188.html>
5. Fedchenko N.L. Proza L.I. Borodina 90-kh – 2000-kh. Available at: http://www.rummuseum.ru/lib_f/fedch02.php
6. Serafimova V.D. Poetika prozy L.I. Borodina: dialog s kul'turnym prostranstvom. М.: Infra-M, 2013.

7. Verin V. Tri pravdy // Russkoye pole. Sodruzhestvo literaturnykh proyektov. Available at: <http://moloko.ruspole.info/node/3276>
8. Bondarenko V. Neslomlennyy // Avtorskiy blog Vladimira Bondarenko. 30.11.2011. Available at: <http://zavtra.ru/blogs/2011-12-1352>
9. Basinskiy P. Dnevnik nepisatelya. CHetvërtaya pravda Leonida Borodina // Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal. 16.04.2002. Available at: <https://www.topos.ru/article/269>
10. Korina L. Vspominaya Leonida Borodina. Available at: <https://www.proza.ru/2016/12/04/1259>
11. Hegel'. G.V.F. Estetika: V 4 tt. T. 3. M.: Iskusstvo, 1971.
12. KHalizev V. Teoriya literatury. M.: Vysshaya shkola, 2002.
13. Borodin L. Radi detok // Borodin L. Kidneping po-sovetski i drugiye rasskazy. M.: Izd-vo zhurnala «Moskva», 2012: 258–288.
14. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy / Gl. red. i sostavitel' A.N. Nikolyukin. M.: NPK «Intervalk», 2003.
15. Unamuno M. O tragicheskom chuvstve zhizni. Available at: https://royallib.com/book/unamuno_migel/o_tragicheskom_chuvstve_gizni.html
16. Semënov YU. Semnadsat' mgnoveniy vesny. Available at: <http://militera.lib.ru/prose/russian/semenov2/03.html>

Статья поступила в редакцию 23.03.2020